

Юлиана Новикова

Песок

Юлиана Новикова

Песок

Москва

«Воймега»

2011

УДК 821.161.1-1 Новикова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Н73

Ю. Новикова

Н73 Песок. — М.: Воймега, 2011. — 52 с.

ISBN 5-7640-0105-6

Автор благодарит продюсерскую группу ИДИ за помощь в издании книги.

© Ю. Новикова, текст, 2011
© С. Труханов, оформление, 2011
© «Воймега», 2011

* * *

Какая странная дорога,
Куда ведёт?
Ещё чуть-чуть, ещё немного,
И всё пройдёт.
Пройдут цветы, прощальным цветом
Бросая в дрожь.
Тебе-то что грустить об этом —
Ты не пройдёшь.

* * *

Я вижу отчётливо очень,
А слышу как будто сквозь сон,
Как тикает в колбе песочек,
В которую тот заточён.
То он как водица струится,
То ухнет в бездонную тьму —
Он завтра ко мне постучится,
А я не открою ему.
Пушай засыпает — заносит,
Ступает по головам.
Вас тоже порою заносит,
И это прощается вам.

* * *

Чтоб как-нибудь отвлекусь
От пустоты,
Одним юнцом увлекусь
Могла бы ты.
Но чтобы не увлекусь
Другим юнцом —
Придётся вновь увлекусь
К стене лицом.

* * *

Ищи себе забаву,
Сгорая изнутри.
Пади ничком на траву,
Кузнечиком замри.
Рабочая поляна
Предстанет в аккурат.
На ней аэроплана
Летальный аппарат.
Без всякого протеста,
Паренью вопреки,
Он вырван из контекста
И брошен в васильки.
Последняя попытка,
Считай, что повезло...
Но тления улитка
Скользнула под крыло.

* * *

...До слуха моего дошло
Бренчание песка речного.
Он оседает тяжело
На крыши города ночного.
Там ждёт богатый человек,
Удерживая в складках платья
Песчинок произвольный бег,
Шум мачты, парусов объятья...
И контуры далёких стран
Свои границы обретают.
И тонкого стекла кальян
Из рук напрасных выпадает.
...Там только пепел и зола
Являют облик человеческий...
...Шахерезада прервала
Свои дозволенные речи.

* * *

Улица, ночь, тишина —
Всё как архангел воспел.
В небе должна быть луна,
Нет её в небе — пробел.
Льётся таинственный свет,
Только с другой стороны,
Где уже тысячу лет
Было не видно луны.
Было не видно цветам —
Да уж, какие ни есть, —
Там, только там, только там —
Да уж конечно, не здесь...
Можно в чём мать родила
Просто рассматривать сны...
Улица станет светла,
Правда, с другой стороны.

* * *

I

Поговорим о вкусе и о цвете,
Об искушение нынешнего дня.
О музыке его... Но звуки эти
Уже почти не трогают меня.

Они в окно открытое влетают,
Исполненные силы и огня,
И незаметно для себя влипают
В историю загубленного дня.

II

Я шарик воздухом надую,
А после в небо отпущу.
Я ни на что не претендую
И абсолютно не грущу
По этой высоте непрочной,
Ещё желаемой вполне,
Я и теперь была б не прочь... но
Нет прежней лёгкости во мне.

III

вперёд за струйкой дыма
в ней кроется подвох
но нам необходимо
глубокий сделать вдох
и если нас не выдаст
наш вездесущий бог
мы сможем сделать выдох
а после снова вдох

* * *

Затяни поясок потуже.
Было плохо, а стало хуже.
Хуже некуда, стало быть.
Только прежде чем падать духом,
Обратись тополиным пухом,
Чтобы мне тебя не забыть.

Воспарив над жестоким миром,
Над колоссом его, над кумиром,
Вдруг дыхание переведи.
На каком языке ты плачешь?
Что теперь ты по жизни значишь?
Что-то ждёт тебя впереди.

Не оглядывайся, не надо.
Впереди тебя ждёт награда
От забвения на волосок —
Ярче света и легче пуха,
Это словно присутствие духа,
Так затягивай же поясок.

* * *

Это из области вымысла
Проистекает река.
Та, что безропотно вынесла
Раненые облака.

С грозного неба ристалища,
Из окруженья огня
Вышла и скрылась тогда ещё
В дебрях грядущего дня.

* * *

Улыбнись мне — и вылетит птичка,
Прикрывая крылом объектив.
И сгорит, как последняя спичка,
На мгновение вдруг осветив

Незнакомое глаз выраженье
На чужом и прекрасном лице —
Фотографии происхожденье.
Объясниться нам только в конце

Предстоит. И далёко от дома,
Но как будто бы снова любя,
Я скажу, что с тобой не знакома.
Никогда я не знала тебя.

* * *

По лестницам ресниц взбирается виденье
Каких-то городов, каких-то площадей,
Мы выйдем в час ночной в ночное заведение,
Чтобы побыть одним среди других людей.
Им всё равно, кого приставить к барной стойке,
Им безразлично, мы из местных или нет.
Они давно сидят, они видали столько,
Что кажется, что им к лицу нейтралитет.
Зайдём на огонёк да что-нибудь закажем,
Присядем у потустороннего окна —
Гляди, за косяком скрывается за каждым
Небесный силуэт и бездны глубина.
Нам нечего сказать друг другу в оправданье
Затерянных во тьме, блуждающих в ночи.
Всё кончено. Прощай. До встречи. До свиданья.
До скорого. До наступившего почти.

* * *

Отпусти меня, добрая муза,
Я уже завязала почти.
Из священного профсоюза
Выхожу. Разреши мне уйти.

Только муза не то чтоб не слишком,
Абсолютно не держит.
Так, чудным потакает мыслишкам,
Слух мой ножичком режет.

* * *

Я приготовлена на ужин.
Он за столом сидит один:
Мой повелитель, Тихий ужас —
Мой господин...

Не по любви, не понарошку,
Голодным пламенем горя,
В мою впивается он ножку —
А только зря...

В глазах его восток темнеет,
Гримаса утончает рот,
Он задыхается, бледнеет.
Его уж рвёт...

Так низвергается величье,
Он под столом лежит один,
Своей отравленный добычей, —
Мой господин...

* * *

Быть может, что-то подороже,
Чем лопухи и лебеда?
Или ушастый подорожник,
Что узнаётся без труда?

Сидит на корточках подросток
У Царскосельского пруда,
Ах, боже мой, как это просто —
Взять и столкнуть его туда...

* * *

Делать нечего — нечего делать!
С этим нужно смириться, и всё там.
По карманам звенящая мелочь
Не вполне отвечает расчётам.
Нетактичным звучаньем монеток
Выпадаю из ритма и такта,
Фона общего жизни, — а мне так...
Просто нечего делать. Вот так-то...

* * *

Ф. Ч.

Самолётик над морем зависнет,
Только четверть минуты всего
От него ничего не зависит,
Всё зависит теперь от Него.
Я волной с головою укроюсь,
Чтоб не видеть, не думать, не знать,
Как встречаются время и скорость,
А затем обращаются вспять.
В этой пересечения точке
Обнаружен душевный надлом —
И теперь мы висим на цепочке
С самолётиком бедным вдвоём.

* * *

Мне надоело это кино.
Страшно не страшно. Смешно не смешно.
Месяц сутулится в небе пустом:
Где эта улица? Где этот дом?

Долго ли коротко время летит.
В кадре пустыня безропотно спит.
Выйдешь за рамочки — вьюга, метель,
Ёлочки, саночки, снег — канитель.

В небо вернётся растаявший снег,
Это реально кино не для всех.
В двери стучится... — Кто там? — Беда.
Зритель проспится. Я — никогда

Не обещала смотреть до конца
Вечную сагу про сына отца.
Что я забыла в доме Твоём...
Что это было? Где этот дом?

* * *

Были дни и мы ночи напролёт
Предавались запретным книжкам,
Принимая за истину переплёт,
Понимая её не слишком.

«Если Он не выдаст — она не съест», —
Так и нам казалось порою.
Я на этой теме поставлю крест.
Крест найдёт своего героя.

* * *

Что ты шепчешь мне, жалкая роза,
Безымянная роза в пыли?
Мы отстали с тобой от обоза,
От того, что грохочет вдали.

С ним уехали наши пожитки,
Им отдельно придётся пожить.
Мы обобраны, в общем, до нитки,
А из нитки кафтана не сшить.

Не укрыться под шляпкой из фетра
От песка, от дождя, от огня.
От великого жёлтого ветра,
Что терзает тебя и меня.

Погибая с минутою каждой
От предчувствия новых минут,
Нам, смертельной измученным жаждой
Умереть, — всё равно не дают.

* * *

Заставишь дурака молиться богу,
И он найдёт короткую дорогу
Между твердыней каменной и лбом
И облаком на небе голубом.
На камне кровь прекрасная темнеет.
Тот оживает. Сердце каменеет.
Освобождённый отлетает дух.
Он обретает зрение и слух.
Но что-то оставляет за собой:
Надежду на обещанный покой,
На голубя, что с неба будет прислан,
На тот закон, что был ему не писан.

* * *

Нет — это значит нет.
И с этим стоит считаться.
Но разговора предмет
Тайною должен остаться.

Хочешь добрый совет —
Мужество и терпенье.
Нет — это значит нет.
Нет ему объяснения.

* * *

Кто-то должен за это ответить,
За разбившийся насмерть предмет —
То ли это порывистый ветер,
То ли солнца рассеянный свет,

Но разбитую чашку не склеить.
Эти хрупкие лепестки
Можно по ветру разве развеять,
Чтоб они разлетелись, легки
На помине. И жизни в начале,
Новой формой своей дорожа,
Чтоб они... Чтоб они, в общем, знали,
Что их прежними помнит душа.

* * *

Мы проворонили первое слово.
То, что дороже слова второго.
Птицы на ветках и те онемели:
Что это было, с чем это съели.
В воздухе пахнет дымом и серой,
Кто помыкает лошадкою серой,
Трусит, не зная себе в тарантасе
В бледной истоме о смертном часе.
Я тебе старшею стану сестрою,
Я тебе страшную тайну открою,
Как мы однажды беспечно проспали
Слово, которое было вначале.

* * *

I

Он полюбил тебя с первого взгляда
И разлюбил со второго,
Полного ревности скрытого яда,
Знающего такого,

Чем оборачивается медаль,
Что незаслуженно дали...
Гиблое дело. И даже не жаль
Даром пропавшей медали.

II

Не верьте маленькой невежде —
Она скорее вам соврёт,
Чем скажет правду, что в надежде
На участь лучшую живёт.

Она не думает о прошлом
И будущим не дорожит.
Сочувствует романам пошлым
И в учреждениях дрожит...

* * *

К чему-то прибавляя что-то,
Идёт упорная работа
И кропотливая весьма —
Трепещет белая тесьма!
Паук сплетает паутину,
Он создаёт свою картину,
Реальность новую творит —
И в нём художник говорит.
Чему-то нас он, верно, учит,
На тонких палочках паучьих
Разлит какой-то дивный клей —
Потустороннего елей.
К нему прикованная взглядом,
Я чувствую, что где-то рядом,
Возможно, даже за спиной
Стоит невидимое мной...
Так, предаваясь мыслям праздным,
Сижую люблюсь безобразным,
А между тем мой лёгкий взор
Уже вплетён в его узор.

* * *

Морской песок щекочет нервы,
Блестит на солнце, тянет жилы.
Лежит мальчишка легкокрылый
И как мужчина смотрит в небо.

Ещё вчера глядел он в оба
(Шофёры смотрят так, пожалуй),
И сердца нежная амёба
Сжималась до скрепки ржавой.

Оно сжимается от страха,
Когда он вновь, не зная броду..
Я стерегу его рубаху,
Его штаны, его свободу.

Его полёт прекрасней птицы,
Он как мираж непотопляем,
Он переходит все границы
Контр-адмиральским баттерфляем!

Девятое мая

Ты больше меня на ступеньку —
Подножку трамвая!
Ты старше меня
Потому, что ты видишь подальше.
Мы едем с тобою в трамвае
Девятого мая,
Не думая о
Цели жизни, победе и фальши.
Мы видим, как мир изменился,
Мы встали так рано,
Что видим, как мир изменился
И стал — чистый праздник.
Как пьют газировку сначала
Два-три ветерана,
Потом папироску
Стреляет у них пятиклассник.
Потом к пятикласснику льнёт
Дорогая собака,
Потом ты расскажешь мне вечером,
Что было с ними.
Мы едем, мы видим, не думая о...
И, однако,
На празднике жизни
Не выглядим, в общем, чужими.

* * *

Пока тебе не до того,
Чтоб выглянуть в окно,
Где дождь идёт,
Где снег идёт,
Где покупает йод
В аптеке чей-то человек,
Единственный навек.
Ему уже не до того,
Чтоб поглядеть в окно,
Где тёплых крыш
Шумел камыш,
Где ты чуть свет глядишь
В другую сторону, и там
Всё по своим местам.
Там жизнь легка,
Постель узка,
Свежа гладильная доска,
И всё ещё наверняка
Произойдёт вполне...
Но снег идёт,
Но дождь идёт
И гасит свет в окне.

* * *

Когда тебе в подлунном мире
Герой войны бряцал на лире,
Ты звуки взглядом провожала,
Но про заплатку на мундире
Ни капельки не забывала.
Не просто из противоречья
Жизнь тонкорунна человечья,
Но в этой области она
Что нерв какой оголена.
Ведь и герой тебе знакомый,
Что сам как сердце невесомый, —
В мундире, в мире, налегке, —
Он любит, он тебе играет,
А завтра на коне растает
Ледышкой в марсовой руке.
Да и самой тебе, ей-богу,
Бог весть, какую там дорогу
Топограф тайный начертит...
А нынче ты глядишь, как струны
Качают воздух, тонкорунны,
И жизнь, что летний суп, кипит!

* * *

Мелькает в руках крепостная иголка.
Легко ли тебе? Легко.
От чистого сердца до чистого шёлка
Теперь уже недалеко.

Задумай число, загадай что угодно,
Безропотным выйдет узор.
В его завитках протекает свободно
Предметный вполне разговор.

Обставлена речь оборотами ночи,
Мерцает звезды остриё.
Чем больше сюжетов, тем нитка короче,
И скоро не станет её.

* * *

Железная дорога — полезная вполне.
Вот ходит по перрону единственный герой,
Подносит сумки женщинам, цветок подносит мне
И долго исчезает, единственный, во сне.
Я им люблюсь издали, а он издалека,
Пока не затворились за героем облака, —
«Навечно, — говорит мне, — навечно, на века,
Пока не затворились за мною облака, —
Дрожи, моя осина,
Гуляй, моя черешня, —
Слеза твоя невинна,
Судьба твоя кромешна...»

* * *

Пока откладывался вылет,
Пока лиха беда начало, —
Отчаянно был кофе выпит
В буфете аэровокзала.

Мы не держались за перила
В опасной близости к свободе, —
Я говорила, говорила,
Я говорила о погоде.

Уж дядьки допивали чачу,
Уж тётки спицами блистали, —
Он брал, не замечая, сдачу,
Мы бережно журнал листали.

Рука подобьем сталактита
Произрастала из фланели, —
Как, сердце, было ты разбито,
Как черепки твои звенели!

Как я люблю аэродромы,
А также снег, туман и ветер, —
Мы были шапочно знакомы —
Мы расставались на рассвете.

Мы обменялись адресами,
Билетами и голосами,
Вещами. Прошлым, через силу...
Покрылась скатертью дорожка,
Скатилась под ноги серёжка —
Над головой взошло светило.

* * *

Какая женщина сидит,
Как хороша.
А кто-то, верно, с нею спит,
Огнём дыша.
Какой-то записной дракон,
Драгун молодой
Её ввергают в сладкий сон
Наперебой.
И головы твоей туман
Вбирает вдруг
Тех глаз некошенный дурман
И рук испуг.
И бьёт тебя тугая дрожь —
Возьми её.
И ты, конечно же, возьмёшь,
Пусть не своё.
Застынут мёд и молоко
На всех устах.
Чужого нет и своего
На небесах.

* * *

1.

Чужая тень ложится на мою,
И я уже своей не узнаю.
Она тотчас становится иной
И больше уж не следует за мной.
Пусть тень моя найдёт себе покой,
Ведомая неведомой рукой,
А я её прощаю, как свою,
Без тени сожаленья предаю.

2.

Не те дома, и улицы не те.
Не те слова проникли на афишу.
Я слышу чей-то голос в темноте,
А внутреннего голоса не слышу.
Не спрятался, не притаился он,
А по причине явного протеста
Собрался с духом да и вышел вон,
Переменив названия и место.

* * *

Он ей никто в сиреновом пальто,
Он улицу лишь только переходит,
А посторонних глаз своих не сводит
С неё, но и она ему никто.

Она, уже надеясь на авось,
То ждёт такси, то чувствует неловкость, —
Вдруг сердце у неё оборвалось,
Свою впервые ощущая лёгкость.

И улица растаяла, как дым,
Остались мы с приятелем всего лишь:
Сиреневое в паре с голубым —
Не каждый Божий день себе позволишь.

* * *

Собирается налегке.
Одевается впопыхах.
Обжигается на молоке
На губах.

Возвращается в забытьё.
Повторяется всё опять...
Как же звали тогда её?
Как теперь её некому звать...

* * *

I
Звучала музыка чуть слышно,
Соперничая с пустотой.
Она лишь на два слова вышла
Из той мелодии простой.

Он шёл ей вслед, и тень дрожала,
И обрывался парапёт...
Как иностранная держава,
Она ему сказала: «Нет».

И как убитый падал голос,
Пока он говорил: «Пока...»
И задыхался гладиолус
В петле петлицы пиджака...

II
Едва только скрипнет калитка,
А следом ей всхлипнет гармонь,
Выходит на сцену улитка,
Садится ко мне на ладонь.

Чтоб влажный оставить, противный
И незаживающий след,
Как юноша этот спортивный,
Неисповедимый брюнет.

* * *

Всяк сверчок, потерявший шесток,
Ничего не теряет.
То ли запад, а то ли восток —
Примеряет.
Потому что приходит конец
Опустевшему дому.
Всяк сверчок — он как будто кузнец
Своему и чужому.
Собираешься в путь — будь здоров.
Лёгко будь на помине.
Распускается роза ветров
Где-то там на чужбине.
То, что было заучено впрок,
Только басни и бредни.
Это будет открытый урок
И как будто последний.

* * *

Когда большой корабль от плаванья большого
Не то чтобы мутит, а просто-таки рвёт,
С высокого гвоздя срывается подкова
И в клочья облаков небесный купол рвёт.
Тогда на берегу одним движеньем резким
Выходят из игры, встают из-за стола,
Проснувшиеся вдруг, разбуженные треском
Материи, воды, железа и стекла.
Куда идти тебе, нелепое создание,
Когда большой корабль уже пошёл ко дну.
Он выполнил своё великое задание.
Он не предполагал бросать тебя одну.

* * *

То, что было предписано свыше
Обитателям моря и суши,
Те как будто бы просто не слышат,
А быть может, и что-то похуже...

Все к глубинам своим прикипают,
Зарываются в душные норы,
Мест насиженных не покидают,
Крохоборы...

Мы пришлём им небесную манну,
Мы откупорим млечные реки,
Навсегда погрузим их в нирвану
И оставим навеки...

* * *

Я говорила, что это не дёготь, а чистый мёд.
Спорила, доказывала, подавала пример.
И вот я сижу на улице, из носу кровь идёт.
Ни денег, ни документов нет при мне.

«Я ничего не знаю» — на лбу у меня печать,
Что поставлена ангелом первым встречным.
И вот я теперь не знаю, сколько же мне молчать,
Пока молчанье моё не станет вечным.

* * *

Что мне сказать? Меняется погода,
Взорвали мост, повесили Хуссейна,
Что я старею, становлюсь рассеяна, —
Прошло два года.
Что нищеты страшусь я и увечий,
Что больше книг опасных не читаю,
Что жизнь ценю, а смерть предпочитаю —
До скорой встречи.

* * *

Мы жили и были,
И нас уже нет.
Но только к могиле
Всё тянется след.

Напрасных обетов,
Неясных речей,
Намёков, наветов —
Неведомо чей...

* * *

Освобождение тела
Из категории тел —
Пуговица отлетела.
Ветер прошелестел.

Воздухом, чистым озоном
Есть предписание быть.
Облаком демисезонным
Скромно вдоль бортика плыть.

Чтобы вне всяких резонов,
Свет обращающих в дым,
Вдруг не затмить чемпионов
Контуром тёмным своим.

* * *

Время лечит. А я ни при чём.
Нипочём бы не стала врачом.

Даже как-нибудь сгоряча
Я б не стала и тенью врача.

Я б дневник наблюдений вела,
Как в цветок проникает пчела,

Добывая нектар и пыльцу,
Отлетая к чужому крыльцу.

Не науки, забавы лишь для
За полётом следила б шмеля,

Я б безумную саранчу
Предпочла бы врачу.

Потому-то на все времена
Я останусь надёжно больна.

Зарастает травой лазарет,
И у времени времени нет.

* * *

Бабочки белое знамя,
Гусеницы эшелон
Останутся между нами
До лучших иных времён.

Мы их надёжно скроем
От иезуитских глаз.
А лучше в землю зароем,
Пока не зарыли нас.

* * *

Ю. Л.

Кому, кому куёт кукушка
Своё железное ку-ку?..
Притихла сонная опушка,
Здесь, верно, спрятана ловушка,
И дятел замер на суку.

И мы под голубым навесом
В глубоких травах залегли.
Мы долго шли дремучим лесом
За неподдельным интересом
И, кажется, уже пришли...

Здесь открывается пред нами
Таинственный последний час —
Нет больше почвы под ногами,
Лишь бело-голубое знамя
Покроет нас...

Содержание

«Какая странная дорога...»	3
«Я вижу отчётливо очень...»	4
«Чтоб как-нибудь отвлечёшься...»	5
«Ищи себе забаву...»	6
«...До слуха моего дошло...»	7
«Улица, ночь, тишина...»	8
I. «Поговорим о вкусе и о цвете...»	9
II. «Я шарик воздухом надую...»	9
III. «вперёд за стружкой дыма...»	9
«Затяни поясок потуже...»	10
«Это из области вымысла...»	11
«Улыбнись мне — и вылетит птичка...»	12
«По лестницам ресниц взбирается виденье...»	13
«Отпусти меня, добрая муза...»	14
«Я приготовлена на ужин...»	15
«Быть может, что-то подороже...»	16
«Делать нечего — нечего делать!..»	17
«Самолётик над морем зависнет...»	18
«Мне надоело это кино...»	19
«Были дни и мы ночи напролёт...»	20
«Что ты шепчешь мне, жалкая роза...»	21
«Заставишь дурака молиться богу...»	22
«Нет — это значит нет...»	23
«Кто-то должен за это ответить...»	24
«Мы проворонили первое слово...»	25
I. «Он полюбил тебя с первого взгляда...»	26
II. «Не верьте маленькой невежде...»	26
«К чему-то прибавляя что-то...»	27
«Морской песок щекочет нервы...»	28
Девятое мая	29
«Пока тебе не до того...»	30
«Когда тебе в подлунном мире...»	31
«Мелькает в руках крепостная иголка...»	32
«Железная дорога — полезная вполне...»	33

«Пока откладывался вылет...»	34
«Какая женщина сидит...»	35
«1. Чужая тень ложится на мою...»	36
«2. Не те дома, и улицы не те...»	36
«Он ей никто в сиреновом пальто...»	37
«Собирается налегке...»	38
I. «Звучала музыка чуть слышно...»	39
II. «Едва только скрипнет калитка...»	39
«Всяк сверчок, потерявший шесток...»	40
«Когда корабль от плаванья большого...»	41
«То, что было предписано свыше...»	42
«Я говорила, что это не дёготь, а чистый мёд...»	43
«Что мне сказать? Меняется погода...»	44
«Мы жили и были...»	45
«Освобождение тела...»	46
«Время лечит. А я ни при чём...»	47
«Бабочки белое знамя...»	48
«Кому, кому куёт кукушка...»	49

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Александр Сорока «Тутырь»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Светлана Бунина «Удел цветка»

Ната Сучкова «Лирический герой»

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Игорь Меламед «Воздаяние»

Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»

Дмитрий Зиновьев «Снимок на память»

Лета Югай «Между водой и льдом»

Андрей Василевский «Ещё стихи»

Книги можно приобрести в магазинах:
Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., д. 12/27

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Формат 60х90 1/16
Тираж 500 экз.

Юлиана Новикова. Песок

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru; alkonost@inbox.ru

Юлиана Новикова родилась в 1966 году в Северодонецке. Закончила Литературный институт. Автор книги стихов «По первому снегу» (1987). Публиковалась в журналах «Крещатик», «Знамя», «Арион». С 2004 года живет в Израиле. Вдова поэта Дениса Новикова.